

Дочери Евы

Романы
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Читайте истории любви в книгах
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Солнечная девушка
Ханская дочь
Его тайная страсть
Та, кто приходит незваной
Огненный Марс
Русалочье счастье
Люблю, убью, умру
С надеждой на взаимность
Девушка-стихия
Интриганка
Не такая, как все
Чужая свадьба
Гнездо ласточки
Любить – губить
Никогда не говори «навсегда»
Я тебя найду
Магнолии, девушка, солнце
Не пара
Отблеск безумной звезды
Злюка
Чужая свадьба
Девушка-рябина
Хозяйка чужого дома
Песчаный рай

ТАТЬЯНА
ТРОНИНА

НЕЖНОСТЬ
АВГУСТОВСКОЙ
НОЧИ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Художественное оформление *С. Власова*

Тренина, Татьяна Михайловна.
Т73 Нежность августовской ночи : [роман] / Татьяна Тренина. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Дочери Евы. Романы Т. Трениной).

ISBN 978-5-699-89327-0

Евгения и Глеб встретились на исходе лета на борту прогулочного катера. Она — само воплощение лета — солнечная, легкая, стремительная. Он — неприметный мужчина лет сорока, известный в Москве переводчик. Оба такие разные, но в этот пьянящий августовский день, когда они посмотрели друг другу в глаза, между ними вдруг пробежала искра. Разгорится ли из нее серьезное чувство или все это так и останется навядением летней ночи, ведь у Глеба уже есть жена, а Евгения уверена, что в жизни ее может быть лишь одна страсть — искусство?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тренина Т., 2016
ISBN 978-5-699-89327-0 © Оформление. 000 «Издательство «Э», 2016

Серебристый лимузин притормозил у пешеходного перехода, пропуская стайку офисных работников, одетых строго по дресс-коду (было как раз время бизнес-ланча), и снова плавно двинулся вперед.

— Куда теперь? — не поворачивая головы, спросил шофер. Грачев являлся штатным водителем издательства, а вот авто представительского класса было арендовано специально для приема высокого гостя.

— Линкс! Налево, налево! — бодро прокричал Фридрих Бергер.

— О, это дивные места, Фридрих, называются — За-москворечье, — благостно согласился с Бергером Иван Павлович, руководитель отдела иностранной литературы, мужчина неопределенного возраста, худощавый, лысый и с деликатными манерами. — А там, дальше, располагается знаменитый Солнечный остров, который правительство города собирается превратить в культурный и офисный...

— За-москва-речие... — не дослушав Ивана Павловича, напевно повторил Фридрих, немецкий писатель, живой классик, скандалист и мастер эпатажа. По книгам Фридриха сняли недавно фильм — «9 евро», сразу ставший культовым. — Речие... Речь, да, Глеб? Говорить?

— Нет, река, — возразил Глеб, переводчик. — За Москвой-рекой то есть.

— Я, я, натюрлих... Великая русская река! — страшно оживился Фридрих Бергер. — Голубшик, гони туда!

— Да уж стараюсь, — отозвался вяло Грачев, за свою жизнь перевидавший немало звезд.

Надо отметить, что Фридрих очень неплохо болтал по-русски, и переводчик ему практически не требовался. Но Глеб Мазуров был не простым толмачом, он являлся переводчиком *текстов* Фридриха Бергера с немецкого на русский, то есть фигурой вполне значимой.

Бергер уважал Глеба необычайно. До того Бергера пытались несколько раз перевести на русский, но дело не шло: отечественная публика почему-то не хотела покупать книги этого автора. Когда же к переводам подключили Глеба, то рейтинги продаж взлетели.

Достоинства Глеба Мазурова не исчерпывались тем, что он являлся профессионалом высокого класса, представителем старой школы переводчиков (хотя по возрасту «старым» его никак нельзя было назвать — сорок лет, разве ж это возраст!), но Глеб еще ко всему прочему очень хорошо чувствовал стиль Бергера, понимал его мысли и настроение и сам обладал, что называется, «легким пером».

Тут следует оговориться. Да, Глеб хорошо понимал Бергера, но это вовсе не значит, что он принимал бергеровскую философию. Пожалуй, Мазуров являлся полной противоположностью Бергера. Глеб, будучи ровесником Фридриха, отличался сдержанностью, невозмутимостью, молчаливостью, не терзался страстями

и безудержными желаниями, не стремился к всеобщему вниманию...

Даже внешне они находились на разных полюсах: Бергер — двухметровый нескладный верзила с шевелюрой песочно-рыжего цвета, в джинсах, растоптанных мокалинах и растянутой на локтях шерстяной кофте, словно отнятой у какой-нибудь старушки из Подмосковья. На вечно задранном кверху носу Фридриха красовались дико креативные и дорогие очки от известного европейского Дома моды, но и они напоминали старушечьи и копеечные. К тому же очки сидели на носу у Фридриха всегда криво. Даже на фотографиях Фридрих оказывался запечатлен в этих вечно перекошенных очках.

Фридрих Бергер боролся с буржуазностью, был в центре скандальной хроники, и его обычно называли «анфан терибль»¹ от литературы.

Глеб же Мазуров ни внешностью, ни ростом, ни поведением никогда не выделялся из толпы. Обычный мужчина сорока лет, хорошо выбритый и подстриженный...

Лимузин уже собирался свернуть на набережную, но в этот момент дорогу жезлом перегородил инспектор ДПС.

— Чего там? — высунул голову в окно Грачев.

— Проезда нет. Весь центр перекрыт, — ответил инспектор. — Выбирайте объездной маршрут...

— Как это — проезда нет? — возмутился Грачев. — Это в связи с чем?

— Минутку... Я сам разберусь! — Иван Павлович, сидевший с левой стороны, выскочил из лимузина,

¹ Анфан терибль — *Enfant terrible (фр.)* — ужасный ребенок.

подбежал к инспектору и принялся быстро-быстро что-то говорить, то и дело показывая на лимузин и взмахивая тонкими длинными руками, словно собираясь взлететь. Инспектор покачал головой.

Иван Павлович вернулся в машину:

— Вы представляете, проехать на набережную нельзя...

— Что там? — спросил Глеб.

— Президента Франции встречают.

Фридрих, до этого момента внимательно прислушавшийся к переговорам, разом встрепенулся:

— Ка-ак такое есть?! Из-за этого президента я не иметь право ехать куда хочу? О, абсурд!!! Глеб, Глеб, ты это слышал?.. Глеб, я хочу в За-масква-речие!

— Итить, я и забыл про то, что центр-то перекрыт, — спохватился Грачев, чеша затылок. — Ну что, куда теперь, господин Бергер?

— Куда?.. Туда! — завопил немецкий писатель, указывая направление. — Я хочу туда!

— Так это... Нет проезда. Президент Франции, и все такое... — напомнил Грачев.

— Фридрих, мы еще не были в Коломенском, — примиряюще заговорил Глеб. — Вотчина русских царей...

— Я не хочу Коломенское... доннер веттер!¹ Туда, туда!

И Фридрих принялся на немецком очень некорректно отзываться о высоком госте из Франции. Глеб, понимавший каждое слово Фридриха, даже подумал, что у Бергера с президентом Франции какие-то личные счеты, Потом понял — Фридрих Бергер просто считал

¹ Немецкое проклятие.

себя пупом земли и центром вселенной, и даже президенты не были ему ровней.

— Я не знаю, что делать... — дрожащим голосом произнес Иван Павлович. — Глеб, что делать?

— Пошли пешком, — сказал Глеб. — Вот что делать, если охота пуще неволи.

Глеб знал характер неистового Фридриха, презиравшего компромиссы, — тут и до международного скандала недалеко...

— Как это — пешком? — с недоумением спросил Грачев.

— Пешком? — вытаращил глаза Иван Павлович. — Я не понимаю... У нас же была обзорная экскурсия на автомобиле, а этот маршрут мы не разрабатывали... не дай бог...

— Можно ногами тут ходить? — хищно раздул ноздри Фридрих.

— Да, Фридрих, можно, — сказал Глеб. — Это машинам проехать нельзя... А пешком ходить нам даже президент Франции не запретит!

Фридрих Бергер энергично пожал Глебу руку:

— Идем!

— Как это? — застонал Иван Павлович. — Это ж какой риск... Я не за себя боюсь, я за господина Бергера переживаю...

Тем временем Фридрих Бергер выбрался из лимузина, за ним — Глеб.

— Грачев, вы с нами! Вместо охранника... — замахал руками Иван Павлович.

— Палыч, как хошь, а машину я не могу оставить, — рассудительно отозвался шофер. — Я лицо материально ответственное. Я вас тут буду ждать!

— Это что же, тебе машина дороже человеческой жизни? — побледнел Иван Павлович.

— Иван Павлович, он уходит, — обратился Глеб к руководителю отдела иностранной литературы.

— Ой, не могу... — застонал Иван Павлович, глядя в спину стремительно удаляющегося от них Бергера. — И что теперь?

— Следуем за Фридрихом. Да вы не переживайте, Иван Павлович, — сказал Глеб. — Мы в центре Москвы, тут милиции больше, чем прохожих... День вон, светло! Походим да вернемся! Вот скоро ему надоест, и вернемся!

Причитая, Иван Павлович засеменял вслед за звездой европейской литературы.

Однажды Иван Павлович Ряпушкин с гордостью признался Глебу, что он — москвич в третьем поколении. Но при всем при том Иван Павлович, как и большинство жителей Москвы, боялся своего города. И даже — не догадываясь об этом — ненавидел его... Ненавидел пробки, загазованный воздух, столичную дороговизну, ненавидел пафосный центр и криминогенную окраину...

Ряпушкин, формально проживая в Москве, в ней не жил. Он жил в своей квартире. На своей даче. В кабинете издательства. В машине, когда ехал от дома до работы или от дачи до дома. Иногда — в ресторане или тренажерном зале...

Он ходил — пешком, но только по Праге или, например, по Парижу... по Риму... в составе экскурсионных групп. Но по своему родному городу — никогда.

Теперь, выброшенный волею судьбы из авто, Иван Павлович напоминал улитку, лишенную панциря. Он

выглядел настолько беззащитным и неуверенным, что Глеб счел нужным его подбодрить:

— Иван Павлович, а погода-то какая, а? До того две недели дожди были... Грех не прогуляться!

Иван Павлович не ответил, скользнул по Глебу взглядом, полным детской обиды, вздохнул. Потом, пожевав губами, из вежливости спросил:

— А как супруга ваша поживает, Глеб? Хотел еще утром спросить...

— Супруга? Супруга на даче.

— Да? Гм... моя тоже. Вы Ниночке привет передавайте...

— Спасибо. У нас юбилей, кстати, скоро — двадцать лет, — улыбаясь, произнес Глеб. Не мог не похвастаться!

— Двадцать лет? Двадцать лет брака? О-о... — почувствовался Иван Павлович и даже на какое-то время забыл, что находится в непривычных и некомфортных для него условиях — идет пешком по центру города. — Я вас с Ниночкой поздравляю, от всей души поздравляю...

В это время Фридрих Бергер, шедший далеко впереди, вдруг остановился у ажурного моста.

— Что там? Куда это он?

— Кажется, там причал, — ответил Глеб.

— О господи! — Иван Павлович резво побежал.

Через пару минут они с Глебом тоже стояли на причале под мостом.

— Граждане, приглашаем вас совершить незабываемое путешествие по обводным каналам Москвы-реки... — вещала в микрофон женщина в тренировочном костюме и переднике поверх него.

— Глеб! Глеб, надо плыть! — радостно закричал Бергер. — Мадам, вифель костет... э-э, сколько стоит билет?

— Билет стоит всего пятьсот рублей, — ответила в микрофон женщина.

— Фридрих, вы садитесь, я сейчас куплю билеты! — махнул рукой Глеб.

— Глеб, не сходите с ума... — Иван Павлович повис на локте у Глеба.

— Иван Павлович, вы тоже садитесь, — отцепил его Глеб. — Уж с парохода наш Бергер точно не сбежит. Сделаем круг и вернемся.

— Да. Точно. Лучше уж здесь! — Руководитель отдела иностранной литературы вдруг помягчел, расслабился. Ведь небольшой катер был замкнутым пространством (сродни автомобилю), спасающим от городских ужасов.

Глеб купил билеты и отправился вслед за своими спутниками.

На воде возле причала покачивался с боку на бок небольшой катер с деревянными лавками — человек на двадцать-тридцать. Впрочем, и десяти пассажиров не набралось: в носовой части сидели пять юных девиц, на боковой лавке — пожилая чета японцев с фотоаппаратами... ну, и Фридрих, Иван Павлович, Глеб.

И капитан впереди, за штурвалом. Фридрих Бергер немедленно рванул к нему, заговорил. Капитан, видимо привыкший ко всему и всем, охотно принялся болтать с Фридрихом. Пять юных девиц (в чем-то розовом, гламурном, с голыми пупками, пирсингом и обвешанные бижутерией, словно веригами, немедленно подтянулись ближе), Фридрих заговорил и с ними...

— Все, расслабьтесь, Иван Павлович, это надолго... Сидите и отдыхайте.

— Да, да. Вы правы, Глеб... — утомленно вздохнул тот.

Молоденький матрос в тельняшке принялся распутывать трос на причале.

— Стойте! — По ступеням вниз, от набережной, бежала молодая женщина, с объемной сумкой через плечо. — Эй, меня подождите...

Матрос протянул ей руку, и женщина легко перескочила с причала на катер.

— Спасибо... Еле успела!

— Да как же мы без вас! — хихикнул матрос.

Женщина послала ему воздушный поцелуй и села возле другого борта, как раз напротив Глеба и Ивана Павловича.

Катер затарахтел, сзади, над водой, за клубились облака сизого дыма, набережная стала удаляться.

Иван Павлович поднял лицо вверх, улыбнулся:

— А хорошо-то как, правда... Солнышко, тепло. Не скажешь, что через неделю — осень.

Глеб хотел ему ответить, но не успел, отвлекся. Он кое-что вспомнил.

...Порой случаются странные вещи — вдруг, без всякой причины, всплывает то, что годами и даже десятилетиями лежало на самом дне памяти. Раз — и вспыхивает перед мысленным взором картинка из далекого прошлого — отчетливая, не потерявшая яркости. Хотя, наверное, без причины ничего не происходит.

Какие же причины заставили сегодня Глеба вспомнить «дела давно минувших лет»? Во-первых, ветер —

теплый, сильный. Во-вторых, августовское солнце. В-третьих, кроны деревьев — еще зеленые, густые... Ветер уже срывал с них первые пожелтевшие листья, уносил их куда-то. Первый урожай осени. Еще небо — прозрачное, ярко-синее, в легких золотых облаках. Девушка, бегущая по ступеням вниз... Все это сложилось в единое целое.

Глеб внезапно вспомнил себя, юного — как легко было когда-то на сердце, а в груди царила странная пустота, которая вот-вот должна была чем-то заполниться. Чем-то прекрасным, цвета золота... Или первой осенней листвы? Да, именно в такие оттенки была раскрашена картинка из далекого прошлого — нежно-желтые, розовато-рыжие, бежево-коричневые...

Это был цвет любви. Первой любви.

Двадцать пять лет назад, в конце августа, находясь в летнем лагере, пятнадцатилетний Глеб Мазуров встретил девочку... Лену? Да, ее звали Леной. И ей было тоже то ли пятнадцать, то ли четырнадцать.

Она бежала по ступеням в старый парк, ветер трепал зеленые кроны деревьев, вырывая из них мертвые листья, над головой девочки сияло прозрачное, ярко-синее небо, и солнце освещало ее всю — темно-русые волосы, загорелую кожу, платье желтовато-бежевого оттенка.

Ее ноги, тонкие щиколотки, легкие сандалии, складки платья, пряди волос, тонкие руки — все это мелькало в воздухе, смешиваясь в одно золотисто-бежевое, розово-желтое облако.

— Мазуров, привет! — крикнула девочка. И пятнадцатилетний Мазуров вдруг увидел, что губы у нее — как лепестки, и тоже какого-то дивного оттенка, розо-

во-золотые. Эти оттенки кричали о жизни и почему-то — о смерти (хотя осенние листья именно о смерти и должны напоминать). И о любви, которая входит в сердце и остается там навсегда, до последнего вздоха, до того момента, когда погаснут все цвета и воспоминания. И сердце вновь становится холодным и пустым.

— Ленка, привет! — крикнул ей в ответ юный Глеб Мазуров. Она еще что-то сказала, он ответил, и они уже шли рядом по старому парку. Погода, помнится, была какой-то такой... Когда не холодно и не жарко. Тело не чувствует ничего, и это дает странный эффект — ты словно купаешься в молоке. Но это не молоко, это — августовский туман течет среди деревьев и заставляет мальчика и девочку быть ближе.

Побуждает их поцеловаться.

Вкус ее губ тоже розово-золотой. Прохладный и теплый одновременно и влажный, как туман.

Счастье. Господи, господи, вот это было счастье...

А потом лето закончилось, все разъехались, и Глеб Мазуров больше никогда не видел Лену. И не вспоминал о своем первом поцелуе — потому что были и другие поцелуи. Потому что встреча с Ниной, с новой его любовью, стерла все воспоминания.

...А сегодня все повторилось — небо, девушка, солнце. Глеб Мазуров — нынешний, сорокалетний Глеб — вздрогнул и на всякий случай потер глаза. Женщина напротив удивленно улыбнулась ему и отвернулась, опершись на перила катера.

Только тогда Глеб осознал, что тарасился все это время на незнакомку.

Это оказалась не Ленка. Ленке сейчас должно быть лет сорок, а этой — гораздо, гораздо меньше. Да и не